

А. А. ИВАНОВ

АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ В ДОКУМЕНТАХ СЕЛЬСКОГО СХОДА

(проблемы археографии)*

В одной из первых работ, специально посвященной изучению документации сельского схода как источника по истории крестьянской общины в России, актуальность темы определялась тем, что «существованием института общины во многом связаны характерные черты и сама специфика аграрной эволюции России во второй половине XIX в.»¹ Если добавить к этой фразе слова «и аграрной революции первой четверти XX в.», то определение станет максимально емким для объяснения всех основных социальных катаклизмов, поразивших российское общество на рубеже веков.

Неожиданно для правящих кругов императорской России и нарождающихся политических партий обнаружившиеся качества общины как организатора массовых действий против помещиков и инициатора коллективного недовольства — а с созданием крестьянских союзов и всероссийского — протестов в целях желаемого для себя экономического и политического будущего, выдвинули ее на роль главной движущей силы в главной российской революции XX столетия — аграрно-крестьянской, ставшей основой всех других социальных и политических революций, но «собственное лицо» показавшей наиболее отчетливо с февраля 1917 до конца 1922 г.

Очевидно, что воссоздание истинного облика многонациональной российской общины в последние два столетия нашей истории — это прежде всего кропотливая работа по поиску, анализу и вводу в научный оборот разнообразных документированных продуктов деятельности общинных органов самоуправления — сельских сходов.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 03-01-00248а/В.

Орфография и пунктуация документов сохранены.

¹ Алексеевич Г. А. При опоре сельских сходов как источник по истории крестьянской общины в России во второй половине XIX века: (По материалам Тверской губернии) // История СССР. 1981. № 6. С. 116.

Автор этих строк отдает себе отчет в том, что не может претендовать на первенство в определении, насколько актуальна разработка письменного наследия традиционных сельских сообществ как до-, так и послереволюционного времени. Известно, что источниковедческая ценность приговоров сельских сходов определяется их происхождением и характером: они возникают непосредственно в крестьянской среде и несут на себе отпечаток ее социального быта, традиций, взглядов и устремлений. В них найдла выражение жизнь общины, ее повседневное функционирование.² Документы сельского схода конкретны, вне рамок усредненных величин, обобщающих представлений, они непосредственно приближают исследователей к массовым участникам исторических деяний.³ В этом их неповторимость и ценность. От себя дополним: приговоры (и полученные распространение в 1917 г. протоколы, постановления, резолюции и т. п.) позволяют значительно расширить представления о многообразии бытовавшей в годы аграрной революции земельной практики, влиянии на нее природно-географических, исторически сложившихся социально-экономических и этнических традиций и условий, новых веяний и изменений. Остается только добавить, что множественный характер документов сельского схода, преимущественно устойчивый формуляр фиксации того или иного решения и относительная периодичность его принятия предоставляют и распоряжение историка вполне репрезентативный материал, отвечающий требованиям, предъявляемым к массовым документальным комплексам.⁴

В настоящей статье предполагается раскрыть археографическую составляющую проблемы изучения документации сельской общины, главным образом на основе хозяйственно-распорядительных функций органов самоуправления деревни в 1918—1922 гг. (с фактического начала советских аграрных преобразований до принятия Земельного кодекса РСФСР), на материалах ряда губерний Центра России, Поволжья и Приуралья.

1

Конкретно-исторические исследования общинной документации — явление сравнительно недавнее в российской историографии. Приговоры и указы широко привлекались для анализа «приговорного» движения периода революции 1905—1907 гг.⁵ Часть документов на-

² Там же. С. 117.

³ Кибинин В. В. Документация сельского схода в первые годы Советской власти (1917—1920) // АЕ за 1985 год. М., 1987. С. 122.

⁴ См. об этом: Губенко М. И., Дроздик Б. Г. Конкретное источниковедение истории советского общества // ВП. 1965. № 1; Дроздик Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX—начала XX в. М., 1979.

⁵ См.: Бухарцев О. Г. К методике изучения «приговорного» движения и его роли в борьбе крестьянства в 1905—1907 гг. (По материалам Самарской губернии) // История СССР. 1979. № 8; Нильке А. И. 1) К методике изучения приговоров и указов крестьян, посланных во II Государственную думу // АЕ за 1970 год. М., 1971; 2) Приговоры и указы крестьян во II Государственную думу // История СССР. 1975. № 5; Семенов Л. Т.

шла применение в трудах по источниковедению крестьянского движения после свержения самодержавия (февраль—октябрь 1917 г.)⁶ и, в меньшей степени, при исследовании общины в первые годы советской власти.⁷

Гораздо меньше разработаны источники, отражающие повседневную жизнь сельского мира, его внутренние проблемы и заботы, не связанные с политическими и общеэкономическими требованиями. Можно выделить лишь цитировавшуюся статью Г. А. Алексеевченко по второй половине XIX в.,⁸ работы В. П. Данилова о доколхозном периоде советской деревни⁹ и А. А. Иванова по истории аграрной революции в Мордовии и Марийском крае,¹⁰ в которых предлагаются подходы к определению информативных возможностей источников крестьянского происхождения.

В. В. Кабанов впервые «в самом общем плане» попытался определить разновидности документации сельского схода 1917—1920 гг., наметить возможности ее классификации, поиска, обработки и публикации.¹¹ Исследование интересно предложенным автором способом издания приговоров путем составления речей в виде перечней с группировкой их по хронологическому, географическому, проблемному принципам или в их комбинации. Этот замысел за последние два десятилетия так и не был реализован (и дело здесь не только в спорности некоторых моментов предложенной методики), впрочем, как и, каза-

Крестьянские наказания и приговоры 1905—1907 годов // Судьбы российского крестьянства. М., 1996; Трезубкина Е. А. Статистическое изучение приговоров и наказаний Государственную думу // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. М., 1982, и др.

⁶ См.: Луцкий Е. А. Крестьянские наказания 1917 г. о земле // Источниковедение истории советского общества. М., 1968. Вып. II; Сизова Н. М. Классификация документов сельских комитетов и сельских сходов (1917 г.) // Октябрь в Поволжье и Приуралье (Источники и проблемы историографии). Казань, 1972; Сизова Н. М., Сидячихина А. А. Источники по истории крестьянского движения в Среднем Поволжье в период Великой Октябрьской революции (Анализ и вопросы публикации). Казань, 1985; Тихонова Н. Н. 1) Крестьянские наказания об основах будущего земельного строя (По материалам Волго-Вятского региона) // Из истории крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Урала в период Великой Октябрьской социалистической революции и победы социализма в СССР. Киров, 1979; 2) Наказания крестьян Северного Поволжья в 1917 г. как исторический источник // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981, и др.

⁷ См.: Кабанов В. В. Документация... Сизова Н. Н. Наказания с мест III Всероссийскому съезду Советов // ВМД. Л., 1981. Т. 12; Тихо Н. Е. К изучению делопроизводства сельских документов первых лет Советской власти (О классификации и археографическом оформлении) // АЕ в 1981 год. М., 1982, и др.

⁸ См.: Алексеевченко Г. А. Приговоры...

⁹ См.: Данилов В. П. Источниковедческие и археографические проблемы истории русской общины после Октябрьской революции // Северный археографический сборник. Сыктывкар, 1977. Вып. 4.

¹⁰ См.: Иванов А. А. 1) Аграрная революция и общинное землепользование в деревне Мордовии (К вопросу об информативных возможностях документации сельского схода) // Вестник Мордовского университета. Саранск, 2002. № 1—2; 2) Источники по истории аграрной революции в Марийском крае // Первая советская весна в деревне. Крестьянство Марийского края и земельный вопрос в 1918 году. Документы и материалы. Йошкар-Ола, 2002.

¹¹ Кабанов В. В. Документация...

лось бы, обреченная на успех, но не получившая практического продолжения завершающая фраза статьи: «[Это] лишь начало работы над интереснейшей группой исторических источников».¹² Бесспорным следует признать факт только использования общинной документации в большинстве трудов по истории советской деревни от октября 1917 г. до сплошной коллективизации, т. е. до прекращения деятельности земельных обществ.

2

Специфична история с публикацией документов низового уровня правотворчества сельского населения и революционные времена и в первые годы новой экономической политики. Введение в научный оборот подобных источников, активно начавшееся еще при царе и достигшее максимума к 40- и 50-летию юбилею Октябрьской революции, повторило судьбу конкретно-исторических исследований. Что же касается специальных изданий по истории крестьянства и сельского хозяйства, то их, по-видимому, можно пересчитать по пальцам одной руки, так же как и включенные в них «бумаги», подписанные участниками общинных собраний.¹³ Но и опубликованные приговоры, наказания, протоколы, резолюции, постановления и т. д. сельских сходок (помимо общесоюзных сборников документов, известны издания с перечисленными источниками по всем крупным экономическим районам страны, отдельным губерниям, областям и республикам¹⁴) страдают тем недостатком, что призваны были показать макроуровень крестьянских представлений по вопросам политики и экономики, причем в ключе, выгодном для редакторов и составителей, не скупившихся на классовые и политические ярлыки при оформлении заголовков. Одновременно и тенденциозно освещались документами наиболее крупные социально-экономические проблемы пореволюционной России. Интересующая нас эпопея аграрной революции большей частью сведена издателями сборников к материальному подкреплению борьбы крестьян против помещичьего, кулацкого и другого «эксплуататорского» землевладения в конце 1917 — первой половине 1918 г., организации первых коллективных хозяйств и деятельности комбедов в этих же хронологических рамках.

Таким образом, одновременно и количественно, и качественно искусственно обесценилась документальная база по важнейшему этапу ис-

¹² Там же. С. 122.

¹³ См., например: Кооперативно-хозяйственное строительство в Нижегородской губернии (1917—1927 гг.): Документы и материалы. Горький, 1980. Первая советская весна в деревне: Крестьянство Мариинского края и земельный вопрос в 1918 году. Документы и материалы. Йошкар-Ола, 2002. Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР. Осуществление коллективизации (1920—1937 гг.). Сборник документов. Чебоксары, 1989, и др.

¹⁴ Кроме известной документальной серии «Великая Октябрьская Социалистическая революция» (М., 1957—1963), только в 1957—1958 гг. было издано около 130 томов документов и материалов по революционной тематике (см.: Сизова Н. М., Сазыкина А. А. Источники. С. 8).

тории крестьянства. Просмотр нескольких десятков томов, посвященных революционным преобразованиям в европейской части страны, как наиболее близкой рассматриваемой проблеме территориально, выявил буквально крупицы сведений о хозяйственных функциях и повседневной бытовой практике органов самоуправления конкретного села или деревни, в том числе всего один документ о внутридольном распределении земли,¹⁵ т. е. тех источников, которые должны были показать, как повлияло перераспределение земельной собственности на систему жизнедеятельности общины, как проявилась аграрная революция на самом низовом уровне в пропорции предполагалось/оказалось, как она дошла (и дошла ли) до рядового крестьянина.

Недопустима ситуация с документальным освещением жизни деревни со второй половины 1918 по конец 1922 г., до принятия Земельного кодекса РСФСР, юридически закрепившего прекращение социалистических экспериментов над общиной и ее членами. Кроме отдельных воспоминаний, этнографических описаний, публицистики и художественных произведений, других изданий в распоряжении исследователя аграрная крайне мало, да и те появились в последние годы и не прошли окончательной апробации,¹⁶ при этом общинное делопроизводство не охвачено документальными публикациями в принципе.

Работа с архивными фондами — это по-прежнему первый шаг для исследователя, заинтересованного судьбами российской общины на всем временном отрезке, отпущенном ей историей.

3

Формирование коллекций документов сельских сходов прямо зависело от их компетенции по текущему законодательству, развития системы вышестоящих государственных учреждений, а применительно к локальным вариантам — еще и от изменений административно-территориального устройства государства, его составных частей. Общим для всех исторических периодов является необходимость обращения к фондообразователям различных иерархических ступеней, поскольку решения общих собраний сельского населения как публично-правовые акты транслировались сквозь все этажи бюрократической системы, наполняя своим содержанием ее деятельность.

Развитие аграрно-крестьянской революции после октября 1917 г. приобрело качественно иной уровень. Соответственно изменилась за-

¹⁵ См.: Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии: Сборник документов. Киров, 1957. С. 502–503.

¹⁶ См.: Воспоминания крестьян-толстовцев 1910–1930-е годы. М., 1989; Голос шурда: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998; Дисшик тотемского крестьянина А. А. Захарова: 1906–1922. М., 1995; За советы без коммунистов: Крестьянские восстания в Тюменской губернии, 1921. Сборник документов. Новосибирск, 2000; Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001; Письма во власть. 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998; Сибирская Вавилей: 1919–1920: В 2 т. М., 2000–2001; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД: 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. М., 1998. Т. 1, и др.

консультативная база, определявшая порядок эксплуатации, поднадзорность и документальное оформление эксплуатации земельных ресурсов. Положения Декрета о земле, предоставлявшие некоторые ограниченные полномочия общине и организации местной хозяйственной жизни, были очень скоро подмяты аграрным законодательством 1918—первой половины 1921 г., предполагавшим ответственным распорядителем землепользования низовые органы советской власти. Целый ряд нормативных актов и ведомственных распоряжений, начиная с Основного закона о социализации земли, регламентировал функции земельных органов, их взаимоотношения между собой и с населением. Дисциплина в этом вопросе была наведена не сразу, особенно на фоне уже усевших сложиться традиций вседозволенности после Февральской революции, неопределенности соотношения прав и обязанностей многочисленных претендентов на власть и разгоравшейся гражданской войны, но к концу завершения, по современному понятию «общинной революции» (примерно к середине 1918 г.), относительно четкая система отношений подчиненности и исполнимости на местах сложилась.

В самом Основном законе о социализации земли, принятом ВЦИК 27 января 1918 г., особенно важными для потенциального советского поземельного делопроизводства были статьи 9 и 11. В первой из них подчеркивалось, что «распределением земель сельскохозяйственного значения между трудящимися ведают сельские, волостные, уездные, губернские, областные, плановые и федеральный земельные отделы советов, в зависимости от значения этих земель», вторая расширяла круг задач земельных отделов («помимо справедливого распределения земель») в сторону создания условий для роста сельскохозяйственного производства путем «поднятия» технического оснащения сельского хозяйства, роста сельскохозяйственных знаний, создания запасных земельных фондов, развития сельскохозяйственных «промыслов», создания коллективных хозяйств и т. д.¹⁷ Последовавшая вслед за законом Временная инструкция переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли (5 апреля 1918 г.), по замыслу своему ориентированная на перераспределение прежней («нетрудовой») земельной собственности и имущества (о наделенных землях в ней ничего не говорилось), открывалась специальным разделом «Обязанности земельных отделов Советов»,¹⁸ тем самым не помпезно, а уже реально подтверждавшая мысль, что именно советским, т. е. государственным учреждениям отдавались prerogative в организации уравнительного землепользования и контроле за сельскохозяйственным трудом.

В повседневной действительности замена старых органов управления, в том числе и в области регулирования земельных отношений, произошла не сразу, а в некоторых районах и не надолго. Параллельно с уже появившимися поземотделами продолжали исполнять свои функции земельные комитеты и земства. По оценкам отечественных

¹⁷ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 408.

¹⁸ Голос трудового крестьянства (Москва). 1918. 11 апреля.

историком, относительная унификация управленческих структур в губерниях, уездах и волостях приходится на весну—лето 1918 г., когда большая часть земельных комитетов и близких им по деятельности организаций были распушены или принудительно преобразованы в земельные отделы соответствующих Советов.¹⁹ На существующий разрыв в структуре и полномочиях земельных органов, между прочим, указывалось в циркуляре Наркомзема областным и губернским исполкомам от 19 сентября 1918 г., а задано было рекомендовано немедленно внести единообразие в именовании, кадровый состав и порядок исполнения служебных обязанностей сотрудников. В качестве образца штатного расписания земельных органов была предложена структура самого Народного комиссариата.²⁰ В инструкции ВЦИК о переизборах волостных и сельских Советов, датированной декабрем 1918 г., четко устанавливалась структура исполкомов, в числе обязательных отделов упоминался и земельный.²¹

Окончательная точка в процессе складывания и унификации органов, призванных проводить аграрную политику нового государства, была поставлена постановлением НКЗ РСФСР «О земельных отделах губернских, уездных и волостных исполнительных комитетов» (10 мая 1919 г.). Постановление (положение) начиналось правовой дефиницией, не оставляющей сомнений в намерениях советской власти по организации земельных отношений сельского населения: «Установление земельных отношений, организация социалистического сельского хозяйства и осуществление землеустройства возлагается на губернские, уездные и волостные земельные отделы по принадлежности под общим руководством Народного комиссариата земледелия».²² Соответственно тому все письменные решения сельских сходов санкционировались первоначально земельными отделами исполнительных комитетов волостных Советов, над которыми стояли уездные и губернские отделы и управления, именующиеся в случае необходимости и земельно-распределительные функции общины. Так, например, переделы земли — важнейший компонент жизнестойкости общины — стали объектом последовательного тиражирования целой серии распоряжений центральных ведомств, в соответствии с которыми любое внутринадельное перераспределение земельных ресурсов требовалось обязательно зафиксировать в письменном виде и зарегистрировать (утвердить) в волостном Земельном отделе, решения которого могли быть обжалованы в уездном отделе (в начале 20-х годов — в волисполкоме и уездном земельном управлении).²³

¹⁹ Ленинский Декрет о земле в действии: Сборник статей. М., 1979. С. 54, 110—111, 153, 174—175 и др.

²⁰ Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.): Документы и материалы. М., 1954. С. 197—199.

²¹ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 118. Основные моменты инструкции были дублированы в Положении о волостных исполнительных комитетах, принятом ВЦИК 18 марта 1920 г. (см.: Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 344—347).

²² Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР: 1917—1954 гг. (далее: СДЗЗ). М., 1954. С. 65.

²³ Там же. С. 83—84, 88—90, 91—92, 126—127, 140—141.

Переход к новой экономической политике подвел черту под попытками непосредственного осуществления социализма, предполагавшего и обобществление сельскохозяйственного производства, и, теоретически, ликвидацию общины. Об общине «вспомнили», когда советская власть была вынуждена признать особые интересы и права деревни. IX Всероссийский съезд Советов в постановлении «По вопросу о восстановлении и развитии сельского хозяйства» подтвердил неуклонное исполнение и безоговорочное проведение «в жизнь всеми органами советской власти, в особенности органами земельными» той части Декрета о земле, в которой говорилось о свободе выбора форм землепользования.²⁴ Майский 1922 г. Закон о трудовом землепользовании окончательно «реабилитировал» общину и ее выборные органы как правомочные самостоятельно принимать решения по широкому кругу вопросов поземельного устройства.²⁵ Наконец, Земельный кодекс РСФСР, принятый в декабре 1922 г., закрепил итоги осуществленной самим крестьянством аграрной революции. Решение земельного вопроса вновь приводилось в соответствие с требованиями крестьянского Наказа 1917 г.²⁶

Но, что важно, изменение правового статуса общины в вопросах землепользования не повлекло за собой принципиальных новшеств в порядке оформления поземельных документов, прохождения ими полагающихся инстанций и соответствующем за этими процедурами контроле со стороны. Есть основания полагать, что формирующееся советское деопроизводство, как раз совпавшее с годами аграрно-крестьянской революции, достаточно типично и даже в какой-то степени ординарно, что существенно облегчает задачу исследователя по выявлению документального материала. Тем не менее трудностей на этом пути предостаточно, о чем будет сказано ниже.

4

Поиск общинных документов в центральных и региональных архивах показал, что абсолютно доминирующая их часть по земельным вопросам отложилась в фондах волостных Советов и их исполкомов, в меньшей степени и в отраженном виде — в фондах уездных, губернских и центральных учреждений. Подлинники приговоров и близких к ним материалов хранятся исключительно в фондах волостных организаций советской власти и, в редких случаях, — сельских Советов и комитетов бедноты. В этом заключается особенность формирования основного массива документации сельского схода.

Присланные на утверждение волостных земельных отделов приговоры сохранялись подшитыми в дела вместе с протоколами заседаний этих отделов, либо отдельно. Решения земельного ведомства

²⁴ Там же. С. 132.

²⁵ Там же. С. 140—144.

²⁶ Данилов В. И. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. М., 1992. С. 319.

обычно писались на самих утверждаемых документах (в виде выписок из протоколов, помет, резолюций).

Меньшая часть общинных документов дошла до нас благодаря неутраченным делам по земельным тяжбам. Приговоры в них выступали и как инициативные документы, и как подтверждающие реализацию судебного решения. Несомненным плюсом в данном случае является установление относительной достоверности проведения в жизнь того или иного решения конкретного сельского схода.

Общим недостатком обеих обозначенных путей отложения в архивохранилищах интересующих нас источников является их уникальное (единичное) наличие. Это обстоятельство повлияло на складывание комплексов однотипных документов. Отсутствие общинной документации в фондах не только волостного, но и уездного уровня — факт не исключительный. Так, за 1918 г. по всему пространству Марийского края (территория современной Республики Марий Эл) обнаружено около 60 образцов записей постановлений сельских сходов о переделах земли и распределении других видов общинных угодий. Не больше сохранилось и зафиксированных постановлений по другим аспектам землепользования. Со следующего после принятия Декрета о земле года до завершения аграрной революции всего найдено 123 документа по всем трем кантонам Марийской автономии; половина из них (55) за 1918 г., 26 — за 1919 г., 16 — за 1920 г., 11 — 1921 г., 15 — за 1922 г. и 56 по 8 волостям одного из уездов Чувашской автономии. И это при наличии нескольких тысяч сел и деревень! Исследователю удачей можно считать каждый случай фигурирования одних и тех же населенных пунктов или сельских обществ в волостном, не говоря уже об уездном, делопроизводстве. При подготовке сборника документов «Община и аграрной революции: Документы сельского схода о земельных отношениях и национальной деревне Поволжья и Приуралья (1918—1922 гг.)» на материалах Вятской, Казанской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской, частично Тамбовской, Самарской, Уфимской губерний таких случаев выявлено немногим более десятка.

Как общую закономерность можно подчеркнуть, что более или менее широтно отложились документальные свидетельства и тех районах, где ранее всего были организованы и не прерывали своей деятельности советские волостные учреждения. К примеру, в Марийском крае основная их часть уцелела по населенным пунктам, числившимся в Вятской губернии. Относительно насыщенно представлен Царевококшайский (Краснококшайский) уезд Казанской губернии. Гораздо хуже положение с сохранностью документации по двум оставшимся уездам Казанской губернии, вошедшим в 1920 г. в автономию (Козьмодемьянскому и Чебоксарскому) и Васильсурскому уезду Нижегородской губернии.

Схожа ситуация с сохранностью общинных материалов в Мордовии. За те же хронологические рамки (1918—1922 гг.) по обработанным четырем фондам волостных Советов Ардатовского уезда Симбирской губернии документы о правотворчестве сельских сходов об-

наружены лишь в одном из них. Из трех аналогичных фондов по Беднодемьяновскому уезду Пензенской губернии — только в одном, из 12 фондов по Темниковскому уезду Тамбовской губернии — в 4 и т. д.²⁷ Неравномерно представлены источники и по отдельным годам аграрной революции. По выявленным документам применительно к мордовским уездам практически не представлен 1918 год.

Книги приговоров, т. е. сводных собраний копий решений сельских сходов, оформляемых волостными органами управления, обычных для дореволюционной деревни, для периода аграрной революции почти неизвестно, что, на наш взгляд, объясняется как особенностями исторического момента, так и перестройкой системы записи и регистрации исходящих и входящих документов.

Материалы по выявлению состояния низового советского аппарата сохранили немало свидетельств поистине катастрофического положения с организацией деятельности и кадровым составом низших управленцев. Отчет по ревизии волостных Советов, проведенной Отделом управления Казанского губисполкома в ноябре 1919 г., приводит по-настоящему анекдотичный случай, произошедший в Больше-Шикаговецкой волости Краснококшайского уезда. Проверяющие «никак не могли добиться от членов волисполкома, какие они обязанности несут (не говоря о том, что они должны были бы нести), председатель волисполкома только мог сказать одно, что делает наряды на подводы, остальные же члены, что они помогают председателю в его работе <...> селения свои члены волисполкома не обязывают, да и охоты к этому нет, так как они совершенно не могут себе представить, для чего им надо разгребать». Выяснилась и еще одна примечательная деталь: «Все дело волисполкома зиждется исключительно на одном секретаре, на которого, кетати сказать, члены волисполкома смотрят с величайшей надеждой».²⁸ На пассивное отношение к своим обязанностям членов советенно волостных земельных отделов Ядринского, Цивильского, Чебоксарского уездов губернии (думается, что положение это было на самом деле «интернациональным») неоднократно обращалось внимание в циркулярах 1920—1921 гг.²⁹ Проверка деятельности Виловат-Вражского волисполкома Козьмодемьянского уезда в части надзора за земельными отношениями населения (январь 1922 г.), показала, что «земельной земельный отдел носил лишь название волземотдела, так как приходится сознаться в том, что малочисленность члена волисполкома — крестьянина-нахара ставила в тупик и он не знал, с какого конца и как начать работу, и все-таки к должной цели, как видно из хода дела, подойти ни одному члену не удалось; при всем своем старании, землемотделом зачастую очень поздно узнает свои обязанности и значение земельного отдела для крестьянина, когда поздно время переизыборов... опытных канцелярских руководителей не

²⁷ Иваниц А. А. Аграрная революция. — С. 70.

²⁸ Государственный архив Республики Марий Эл (далее: ГАРМЭ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 10. Л. 23—24.

²⁹ Центральный государственный архив Чувашской Республики (далее: ЦГАЧР). Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 11. Л. 9; Ф. Р-153. Оп. 1. Д. 97. Л. 4—4 об.

было, почему и делопроизводство велось из рук кои плохо...». ¹⁰ В Вятской губернии губземотдел вынужден был в середине 1918 г. из-за плохой подготовки волостных служащих разослать специальный циркуляр о возложении на всех командированных на места землемеров обязанности проведения инструктажа «как в области урегулирования земельных отношений, так и канцелярской работы». ¹¹

Далее, насколько можно судить по существовавшим положениям и ведомственной переписке, от волостных учреждений и не требовалось (во всяком случае до начала 20-х годов) регистрировать приговоры сельских житий («по старинке», а там, где подобные записи осуществлялись, это происходило по личной инициативе местных служащих волнисполкомов и их отделов. Например, трехкратный ежегодный опрос Кольмодемьянским уездным земельным отделом волостных отделов о характере их деятельности в 1918—1920 гг. зафиксировал единственный случай упоминания о ведении «особой книги протоколов» (по ответам от 13 волземотделов на конец 1919 г.). ¹² По всей вероятности, это был один из тех редких случаев, когда заведомо, олицетворяющий собой весь земельный отдел, был действительно компетентным в «бумажных» делах, в том числе используя опыт делопроизводства прежних волостных учреждений.

Не исключено, что дореволюционную практику пытались восстановить на местах в самом начале 20-х годов, чему есть некоторые подтверждения. Фронтальная проверка дел фондов волостных органов управления в Государственном архиве Республики Марий Эл и Центральном государственном архиве Чувашской Республики привела к находке единственного пока известного сводного журнала фиксации постановлений сельских сходов по вопросам землепользования и землеустройства.

Источник датирован мартом 1921—декабром 1922 г., информативно охватывает собой несколько населенных пунктов одной волости (Кумужьяльской Краснококшайского кантона Марийской автономной области). ¹³ Предположительно это единственный сохранившийся экземпляр из нескольких десятков, на что указывает его типографское оформление: «Книга для записи постановлений» разделена на графы: «№», «год, месяц и число», «предмет дела», «исполнение». Копии текстов приговоров и протоколов (всего их восемь: о выделении усадебных мест, образовании выселков, наделении земель «приймаком», переходе к многопольным севооборотам и пр.), заверенные председателем волнисполкома, секретарем и делопроизводителем, вписаны в графу «предмет дела». Последняя графа перечня заполнена только в одном случае.

¹⁰ ГАРМЭ. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 103. Л. 51.

¹¹ Государственный архив Кировской области (далее: ГАКО). Ф. Р-1062. Оп. 1. Д. 41, Л. 314.

¹² Аграрная реорганизация в Поволжье по материалам ведомственной переписки волостных советов (1918—1920) / Публикация А. А. Иванова // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 2001. Вып. 11. С. 220.

¹³ ГАРМЭ. Ф. Р-9. Д. 11.

Нельзя не отметить, что дальнейший поиск книг и специальных журналов, отражающих хозяйственно-распорядительные функции общины в комплексе, — одно из перспективных направлений работы в региональных архивных учреждениях, не исключены находки и в центральных архивах.

Низкая представительность источников, прямо показывающих повседневную жизнь общины, в некоторой степени компенсируется «неприговорными» или «околоприговорными» шлейфом информации, сосредоточенном в волостных фондах. Имеется в виду сообщение одного или взаимодополняющие сведения нескольких документов без наличия самого постановления сельского схода, но раскрывающие его основное содержание. В качестве примера можно привести заявление группы крестьян дер. Тимофеево Уржумского уезда Вятской губернии, зарегистрированное в конце марта 1918 г. в уездном земотделе. В заявлении описывается несправедливое, по мнению его подписавших, внутринадельное распределение земли. Называются дата события, инициаторы («обидчики») и обстоятельства общинной переверетки. По существу дела указывается: «Постановили (односельчане. — *А. И.*) отобрать у нас земли, а именно: от Милона Пауткина $\frac{1}{8}$ души, Параскевы Пауткиной $\frac{1}{4}$ души, Анастасии Колесовой $\frac{1}{4}$ души, несмотря на то, что последняя потеряла своего мужа в эту войну, осталась с двумя малолетними девочками; Ивана Пауткина $\frac{1}{2}$ души, так как в хозяйство состоит 6 человек, из них 4 работника, 2 лошади, 2 коровы, 2 подраста, 3 свиньи и у Дмитрия Пауткина — $\frac{1}{2}$ души. У последних имеется в 3-х полях на полосах выранных лес, примерно по 1 десятина у каждого. Так же намереваются срубить последний. Мы при прежних поделах у 1-го, 2-го и 3-го только имели по 1 душе, у 3-го — $\frac{1}{2}$ души и 4-го — $\frac{1}{4}$ души. Не могли обойтись без аренды земли, чтобы поддерживать свои хозяйства, а при настоящем положении мы должны прийти к разорению. Настоящая передача земли не имеет никаких оснований и резко противоречит декрету (закону) о земле, опечатанному в уржумской газете „Голос народа“ от 27 января сего года, где говорится, что земля не отбирается, кто ее обрабатывает своим трудом при помощи своей семьи, вложенная в землю стоимость удобрения, поскольку они не использованы, должны быть оплачены, недостаточные для удовлетворения земель населения подлежат переселению, земля рядовых крестьян не отбирается, не конфискуется». Как видно из источника, речь идет о частичном переделе земли (скидке — накидке), причем известны его сторонники и противники, обладавшие своей мотивацией и доказательствами (к заявлению приложено удостоверение сельского общества о семейном составе ходатаев). Подобные противоречия деревенской жизни в самих приговорах гораздо менее прозрачны.

Уцелевшие комплекты «околоприговорных» материалов часто не ограничиваются показанными двумя документами (не учитывая помет и резолюций) — заявлением и удостоверением. Номенклатура бу-

¹⁴ Там же. Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 9. Л. 125.

маг в подобных спорных вопросах могла быть самой разнообразной. Земельная тяжба в дер. Шотали того же уезда, начавшаяся еще в 1918 г., к лету следующего года «обросла», помимо нескольких заявлений различных заинтересованных сторон, уездно-волостной перепиской, актами обследования положения дела на месте и, наконец, «распиской об обоюдном согласии».³⁵ Крестьяне Алексеевского сельского общества Царевкокинйского уезда Казанской губернии (май 1918 г.) оставили о себе память в истории благодаря «объяснительной записке на заявление граждан...», не удовлетворенных земельными распоряжениями в общине.³⁶ И этот документ дополнил подшивку бумаг по одному из большого количества спорных дел, утративших главное — первоначальное письменное постановление сельского схода.

По-своему важны для пополнения ресурсов общинной документации протоколы заседаний волостных отделов или, в случае их отсутствия, волысполкомов. Они так же с различной степенью полноты передают компоненты не уцелевших источников, но актуальность их для характеристики рассматриваемой проблемы определяется не столько глубиной охвата содержательной части приговоров, сколько принятыми по его существу решениями. Для подтверждения наших положений сошлемся на два протокола Еманганского волысполкома (Васильевский уезд Нижегородской губернии) за 1922 г. Первое заседание волысполкома относится к 3 августа. Единственным пунктом в повестке дня стояло обсуждение протокола общего собрания крестьян с. Емангани о переделе земли. В распоряжении участников заседания были протокол схода (с указанием его номера и даты) и акт обследования землепользования в данном обществе, подтверждавший обоснование необходимости общего передела, выдвинутое инициативной стороной. В итоге было принято решение: «Волысполком находит общий передел в обществе своевременным и целесообразным, а потому постановил ходатайствовать перед уездным управлением о разрешении общего передела земли в Еманганском обществе».³⁷ В другом случае — на заседании от 6 октября — одним из пунктов повестки дня стояло рассмотрение протокола общего собрания крестьян Нижне-Шалтыковского сельского общества. Первые два параграфа протокола (о распределении семенного материала и наборе «сотских») получили утверждение волысполкома, но в одобрении третьего, «о переделе пахотной земли по едокам», было отказано: «ввиду того, что на собрании участвовало менее $\frac{1}{2}$ из общего числа граждан, разрешен согласно существующего декрета о переделах земли быть не может».³⁸

В более отраженном виде (без сопутствующих первоисточников) и в меньшем количестве общинные материалы присутствуют в документах уездных учреждений, утверждавших постановления волостных земельных отделов, приговоры сельских сходов по наиболее важным вопросам землепользования (коренные переделы, переход к многополь-

³⁵ Там же. Л. 26. Л. 26—28, 31.

³⁶ Там же. Ф. Р-275. Оп. 1. Л. 16. Л. 257—261 об.

³⁷ Там же. Ф. Р-248. Оп. 1. Л. 41. Л. 18—18 об.

³⁸ Там же. Л. 23 об.—25.

ним севоборотам, образование новых селений и др.) и разбиравших спорные земельные дела по приговорам обществ в качестве второй инстанции и жалобы на действия волостных властей. Некоторые из них попадали в периодическую печать.³⁹ Уездное делопроизводство, так же как и волостное, включает все необходимые этапы принятия решения, обязательные для исполнения ведомственно зависимых лиц и учреждений. Но разного рода сопроводительная документация имеется в фондах уисполкомов и уземотделов только по земельным тяжбам. В каком виде представляется для исследователя передача приговоров/протоколов сельских сходов, иллюстрирует приведенная ниже таблица, составленная на основании протоколов заседаний коллегий Сернурского и Козьмодемьянского кантонных земельных отделов Марийской автономной области.⁴⁰

Дата	Слушание	Постановление
4 марта 1922 г.	Козьмодемьянский кантисземотдел Ходатайство граждан Еласовской волости дер. Камханул и Пинциковой о разрешении им поляного переезда земли.	Считать приведенные в заявлении документы о передаче земли не исключительными, а также и то, что в период с 1918 по 1920 г. таковые уже были допущены, коллегия КЗО на основании ст. 12 инструкции от 6 апреля г.г. № 6, постановила настоящее ходатайство отклонить.
7 марта 1922 г.	Сернурский кантисземотдел Ходатайство граждан дер. Энер-Мучаша Коппанурской подстанции о разрешении им переезда земли и уравниения оценок поцуду того, что не было переезда в течение долгих лет. Ходатайство граждан дер. Сабер Токтай-Беляжской подстанции в числе 21 человек от общего количества 42 домохозяев о выдаче причитающейся им земли для переезда на 9-июль.	Разрешить и поручить подотделу землеустройства произвести постановление в актах, при условии перехода на крупные участки, не более 3-х полхос и разъяснить порядок уравниения оценок. Разрешить выдачу при условии, если найдут землемера на свои средства.
24 марта 1922 г.	Протокол от 11 февраля 1922 г. 14 домохозяев дер. Усолы Мари-Турекской волости в числом сдвонков 70 чел. от общего количества 86 домохозяев с 416 елками по их ходатайству о выдаче их на 9-июль, так как переездов земли у них не было вовсе.	Протокол утвердить и поручить подотделу землеустройства приступить к подотомингетным работам.

³⁹ Ижестия Козьмодемьянского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919, 5 января.

⁴⁰ ГАРМЭ, Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 7. Л. 5; Д. 26. Л. 9—9 об., 32.

Нахождение подавляющего большинства документов сельских сходов в фондах волостных и уездных учреждений подчас не вызывает необходимости обращаться к архивным делам губернских (областных, республиканских) и центральных (федеральных и союзных) учреждений. Постановления общих собраний селян представлены и в этих последних — как в «чистом», так и в опосредованном виде. Но представительность подлинников или хотя бы копий образцов общинной документации значительно уступает первым и ни в коем случае не может считаться репрезентативной для анализа развития аграрной революции сквозь призму действий непосредственных ее творцов.

5

Обратимся к делопроизводству собственно сельских сходов. После отмены крепостного права законодательство о крестьянах не предполагало какой-либо особой формы записи постановлений сельского схода, но уже за десятилетия до начала аграрной революции повсеместная практика принятия и вынесения решений общих собраний сельских обществ сложилась в устойчивый формуляр — приговор. Стремление государственных структур к упорядочению низового уровня государственного делопроизводства (сельское общество считалось низшей административной ячейкой) привело к появлению такой знакомой для большинства сельских сходов вещи, как типовый бланк, часто изготовленный типографским способом, для приговоров по различным поводам. Бланки о хозяйственно-управленческой деятельности общины, в первую очередь — о регулировании поземельных отношений, отличались наибольшей детализацией сведений о повседневной деятельности органов крестьянского самоуправления. Сложившиеся и определенные традиции заполнения начальной, содержательной и конечной клаузул общинных документов, их заверения, перемещения по необходимым инстанциям, утверждения и надзора за исполнением, а также категория лиц, заполнявших приговоры и ответственных за достоверность последних.

Революционные веяния внесли серьезные коррективы в оформление постановлений сельских сходов. Своеобразная демократизация, под которой очевидно понималась вседозволенность, выращенная на почве совместной борьбы за перераспределение земельной и иной собственности, коллективное сопротивление проведению хлебной монополии. Временного правительства, создание самостоятельных низовых органов управления (комитетов), а главное — чувство безнаказанности, прикрываемое «стремлением к справедливости», и полная растерянность прежних органов власти, — все это не только изменило поведенческие стереотипы сельских жителей, но и наполнило новым содержанием эпистолярное наследие крестьян. Появляются неведомые ранее «мирянам» протоколы, постановления, резолюции, «городские» слова («президентум», «башлычировка», «прения», «заместитель»), находят себе применение лозунги политических партий и т. д. Но сохранилось главное — мирской приговор, т. е. документ, унифицирующий

нее разнovidности выходящей из общины документации, подписанный большинством присутствующих участников общего собрания.

До принятия Земельного кодекса 1922 г. советское аграрное законодательство не регламентировало правовое положение общины.⁴¹ Специальные виды документов не только для сельских сходов, но и госучреждений первоначально не устанавливались, они определялись в связи и в соответствии с конкретными управленческими функциями.⁴² Типовые бланки записей приговоров уходят в прошлое и появляются, притом не повсеместно, только к середине 20-х годов. Предоставленная сама себе, община «вынуждена» искать свое разнообразие продуктов своего праятворчества, часто не считаясь ни с традициями прежнего письменности, ни с рекомендациями новых властей.

При этом многие решения сельских сходов даже по таким важным вопросам, как, например, переделы сельскохозяйственных угодий, вообще не документировались.⁴³ В отношении Посадеко-Сотниковского волостного Пуштинского сельсовета (Чебоксарский уезд Казанской губернии) в июне 1920 г. сообщалось: «Донесло до сведения земельного отдела о том, что Пуштинское общество производит самовольно передел земли». Далее рекомендовалось: «При этом предписывается: без разрешения земельного отдела не имеют право переделить, а если желают переделить, то необходимо представить приговор, и но уездному земотделу только может быть переделен».⁴⁴ Для 1918—1919 гг. отсутствие письменных свидетельств о земельно-распорядительных функциях общины — обычная составляющая текстов полных и уездных циркуляров и предписаний. Показательны ответы на запрос Козьмодемьянского уездного той же губернии (2 октября 1920 г.) о регистрации переделов земли в обществах полными отделами за послереволюционное время: «...уровнение земли происходило в Большеардинском, Ардинском и передел в д. Ершовой, без согласия волостного земотдела в 1918 г.» (Ардинская вол.); «...частичное уровнение произошло в Троицком Посаде и слободе Дашинка, а в слободе Мумарихе произведено распределение по количеству едоков без ведома земотдела» (Троицко-Посадская вол.); «...общий передел земли в 1920 г. состоялся у одних граждан села Кумы. В прочих селениях, если и были переделы, то частичные, от одного домохозяина к другому, вполне или частично по добровольным соглашениям без ведома полостного отдела» (Тойдаковская вол.); «...в селениях Козьмодемьянской волости были в лето сего 1920 года два случая: а) в селе Владимирском, только уровнение земли и б) по 2-м Козьмодемьянском обществу общий передел земли. Оба эти случая с ведома и разрешения волостного» (Козьмодемьянская вол.); «...общие уровнения земли в селениях

⁴¹ Кабанов В. В. Октябрьская революция и крестьянские общины // ИЗ. М., 1984. Т. 111. С. 103.

⁴² Таин И. Е. К визуально-демонстративным документам... С. 192.

⁴³ Примеры утверждения волостными земельными отделами устных решений сельских обществ по вопросам землепользования приводятся и упоминавшиеся статьи В. В. Кабанова (см.: Кабанов В. В. Документация... С. 119).

⁴⁴ ЦГАЧР. Ф. Р-165. Оп. 4. Л. 25. Л. 27.

происходили без ведома волостного земельного отдела. Как, например, в 1920 г., весной было уравнивание произведено в с. Ахмылово» (Ахмыловская вол.); «...общие переделы земли были в Цыганковском обществе 13 лет тому назад и Периянгинском обществе в 1917 году, уравнивания же и земиспользования происходили во всех остальных обществах, путем скидки и накладки земельных душ с ведома волостного отдела» (Пайгузовская вол.); «...в пределах волости происходили переделы с ведома волостного отдела, частичные, весной 1920 года, в селениях: Алешкино, Чадомкино, Тамарайкино. Без ведома в селениях: Кушкалы, Аксаево, Мурзанаево» (Приволжская вол.). Остальные пять волостных делов указали, что им известно о переделах земли в обществах, но по существу запроса не ответили.⁴⁵ Ответ на вопрос, составившие ли в описанных случаях переделочные приговоры, вероятнее всего, должен был быть отрицательным. Проверить это утверждение не представляется возможным. Но даже и в случае фиксации решений схода того или иного общества, если они не попали в официальное делопроизводство, их можно считать навсегда утраченными. Такие приговоры изначально обрекались на забвение.

Уездные и губернские органы управления и отсутствие четких указаний из центра пытались самостоятельно наладить делопроизводство (документирование и документооборот) на подведомственной территории. Так, в инструкцию о временном распределении земли по Вятской губернии (апрель 1918 г.) было включено несколько статей о деятельности сходов и порядке составления приговоров по распределению земли. Определялся круг участников общих собраний, указывалось на необходимость соблюдения определенных атрибутов, подтверждающих приговор, но о его структуре ничего сказано не было: вероятно, подразумевалось, что она не должна измениться по сравнению с дореволюционной.⁴⁶ Аналогичным образом в постановлении по земельному вопросу Уржумского уездного крестьянского съезда этой губернии, но на месяц ранее (в марте 1918 г.), читаем: «...19) Всякое распределение и уравнивание земли производится по составленному обществом приговору, причем сход считается состоявшимся при наличии не менее половины всех правомочных граждан данного селения, а если такового количества на сход не соберется, то вторичный сход назначается на следующий день и считается состоявшимся при наличии явившихся; вопросы же решаются простым большинством собравшихся. 20) Недовольные приговором о порядке распределения земли могут принести в 2-х недельный срок жалобу в волостной земельный отдел, который в случае признания жалобы заслуживающей уважения может отменить приговор».⁴⁷ О технике составления приговоров — ни слова. Причина, очевидно, та же.

⁴⁵ Аграрная революция в Поволжье по материалам ведомственной переписки волостных советов (1918—1920 гг.). С. 222—225.

⁴⁶ 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Апрель 1918 г. Вятка, 1918. С. 95—103.

⁴⁷ ГАКО. Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

Перед нами документы из другого уезда и губернии. На одном из заседаний Царенококшайского уездного исполнительного комитета Казанской губернии в мае 1918 г. специально рассматривался вопрос об организации делопроизводства сходов сельских обществ. Докладчик от земотдела рассказывал, «что в полостях по вине отсутствия каких-либо руководящих указаний происходят весьма неорганизованные собрания, приносящие громадный вред населению: по известному селению в одно и то же время составляется по несколько приговоров отдельными группами по одному и тому же вопросу». После обсуждения были выработаны два обязательных пункта стандартного приговора: присутствие $\frac{1}{3}$ всех совершеннолетних и заверительная подпись члена сельского или волостного Совета. Кроме того, рекомендовалось «при всяком давлении имущего класса на бедноту черных лишать право голоса на сходе».⁴⁸

Проблема оформления поземельных документов на сельских сходах таковой часто не считалась выходящими инстанциями, которых больше заботило скорейшее проведение земельной реформы в жизнь, чем какое-либо единообразное оформление этого процесса. Осуществление закона о социализации земли в Нижегородской губернии, например, легитимировалось первоначально циркулярным письмом губземотдела всем уездным отделам (29 марта 1918 г.). Но единственное, что можно отнести к правилам регистрации документальных материалов из письма — это порядок обжалования постановлений по земельным спорам.⁴⁹ Не большей подробностью отличались и последовавшие вскоре первая⁵⁰ и вторая⁵¹ губернские инструкции о «социализации». В Васильсурском уезде вообще было законодательным порядком (на сессии крестьянских депутатов) в конце марта — начале апреля) предоставлено право конкретным в каждом случае сельским обществам заниматься собственным землеустройством: «Распределение земли между отдельными хозяйствами внутри каждой общины и административной единицы производится этими общинами и единицами согласно обычаям каждой общины и в соответствии с настоящими положениями по решениям, постановленным большинством в $\frac{1}{3}$ голосов всех домохозяев общины или единицы».⁵²

И действительно, «обычаи», т. е. традиционные способы оформления решений сельского схода по регулированию земельных отношений, а не полное величие общественно-политической действительности определяли соотношение различных исходящих из общины документов.

Сохранение традиций проявлялось в бытовании прежних формуляров, а местами — в использовании и дореволюционных бланков. Этим объясняется наличие многих делопроизводственных архаизмов

⁴⁸ ГАРМЭ. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 2. Л. 148.

⁴⁹ Государственный архив Нижегородской области. Ф. Р-121. Оп. 1. Д. 263. Л. 3–4.

⁵⁰ Крыское шая (Никий Нолгорол). 1918. 17 апреля.

⁵¹ Инструкция о переходных мерах к социализации земли в Нижегородской губернии / Публикация А. А. Иванова // Маринский археографический вестник. Пешкар-Ола. 2002. Вып. 12.

⁵² ГАРМЭ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 5. Л. 65.

в порядке записи постановлений сходов и наличие устаревших компонентов в содержательной части. Такие эпизоды известны по селениям Ново-Торъяльской волости Уржумского уезда Вятской губернии. В начальной части приговора общего собрания жителей дер. Семеево о переделе земли (16 апреля 1918 г.) говорилось: «...мы, нижеподписавшиеся крестьяне домохозяева <...> то есть в законном числе, установленном ст. 64 Общего положения о крестьянах, издания 1902 года...», а в содержательной клаузуле: «...руководствуясь и.п. 15—28 включительно отдела II о наделных землях, обязательного постановления Уржумского уездного Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов о порядке использования в течение 1918 г. частновладельческих, общинных и наделных земель, принятое 26—29 марта 1918 г. ...».³³ Осуществляя очередной передел земли 11 числа того же месяца и года, крестьяне дер. Черная Грязь, между прочим, руководствовались «высочайше утвержденными 8 июня 1893 года Правилами о переделах мирской земли» (предположительно не буквально, а применительно к срокам передела и наличию необходимого кворума). Приговор был подписан домохозяевами, председателем, секретарем и членами сельского Совета.³⁴

В рамках рассматриваемой проблемы условно можно выделить три вида приговоров, в которые укладывается большинство общинных материалов непосредственного действия: приговор в собственном смысле слова, протокол и постановление. Помимо круговой поруки, в письменном виде реализуемой подписями участников сходов, их объединяло принятие решения только на общем собрании, с участием всех домохозяев (это было основным условием) и совершеннолетних одо-деревенцев (что рекомендовалось, но на практике обычно превращало их в статистов).

Укоренившаяся структура общинных приговоров предполагала наличие трех общезвестных клаузул, не считая собственно заголовка, дополнений и примечаний, находящихся в органической взаимосвязи. Охарактеризуем более подробно каждую из этих составляющих.

Наличие нескольких формально различных образцов общинной документации создает дополнительные трудности не только в классификации источников, но и уже в определении заголовков. Для самих крестьян проблема не была очевидной, поэтому появляются селенные, мирские, сельского схода и общества приговоры, журнальные постановления и протоколы, протоколы заседаний общих собраний № ..., сельских и деревенских комитетов и Советов крестьянских депутатов и т. д. Не редкостью были пространные, вставные самоуправления, с указанием на состав присутствующих, место действия, дату принятия решения, сути обсуждаемой проблемы, плавно переходящие в основной текст и являющиеся важной информативной частью самого приговора.

³³ Там же. Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 34. Л. 304.

³⁴ Там же. Л. 29—30 об.

Важно подчеркнуть, что для национальных районов Поволжья, Приуралья, Европейского Севера и Центра России понятия «деревня» («село») и «сельское» общество более, чем где-либо, неидентичны. У большинства нерусских народов исторически закономерный путь образования новых населенных пунктов из материнского поселения не сопровождался последующим размежеванием земельных и иных угодий. Различные государственные землеустроительные работы XVIII—XIX вв. усугубили ситуацию созданием общих дач землеустройства сразу для нескольких сельских обществ. Так появлялись знаменитые территориально-хозяйственные образования, располагавшиеся на площадях в десятки и сотни тысяч десятин и включавшие в свой состав нередко десятки населенных пунктов. Явное неудобство в реализации своих прав на землю для каждого отдельного населения в подобных условиях естественным путем «упростило» такие общины, и к началу XX в. переворотки в пределах общих дач не осуществлялись, но в рамках сельских обществ/сложных общин, т. е. более мелких образований, каждый поселок (в местном обиходе — околотов) учитывался при внутриобщинном землепользовании. Поэтому составление заголовков к документации сельских сходов рассматриваемого периода допускает наличие двух равнозначных терминов: «деревня» («село», «весьно», «починок», «выселок») и «сельское общество». Типичные отсылки на вхождение в состав одной общины мы видим в постановлениях общего собрания крестьян-маришцев с. Верх-Ушнур, выс. Куркумбал и дер. Кундунтур (Уржумский уезд Вятской губернии) от 2 апреля 1918 г.,⁵⁵ деревень Кумуждур и Кугу Шурга (Краснококшайский уезд Казанской губернии) от 23 июня 1919 г. и 20 сентября 1920 г.,⁵⁶ Чер-Кугерьял и Герасименки (Уржумский уезд Вятской губернии) от 18 мая 1919 г.,⁵⁷ чувашских землепашцев Чебоксарского уезда Чувашской АО за 1921 г.: Арабайкашского сельского общества, состоящего из деревень Арабайкасы и Идагачкасы от 9 февраля,⁵⁸ деревень Понкар и Шаниково от 15 июля,⁵⁹ Падаккашского сельского общества (дер. Батурман, Пиккасы, Падаккасы, Вурманкасы) от 26 августа⁶⁰ и т. д. Более того, осознание принадлежности к одной общине, несмотря на годы проведенной самостоятельной жизни при фактическом прекращении переделной практики, проявилось при освоении «нетрудового» землеустройства. Землемер Козьмодемьянского уездного Казанской губернии В. Зауер, исследуя итоги перераспределения земельной собственности в уезде к ноябрю 1918 г., обратил внимание на то, что в чувашских деревнях (некоторые крестьяне получают участки (бывшей помещичьей земли, — *А. И.*) отдельно, а остальные общества и деревни пожалили чересполосно, а не участками и отдельно-

⁵⁵ Там же. Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 25. Л. 120.

⁵⁶ Там же. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 4. Л. 69; Д. 34. Л. 15.

⁵⁷ Там же. Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 26. Л. 18.

⁵⁸ ЦГАЧР. Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 59. Л. 28.

⁵⁹ Там же. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 236. Л. 12.

⁶⁰ Там же. Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 76. Л. 27.

сти каждому обществу; также разделили чересполосно и участок сенокоса (кленера)». ⁶¹ Здесь же уместно добавить, что «черный передел», в части, касающейся участкового землепользования, автоматически усложнял уже существовавшие общины или возрождая их в том виде, в каком они были до столыпинского землеустройства.

Другое дело, когда дочерние образования бывшей сложной общины полностью перешли к самостоятельной организации хозяйственной жизни (как правило или явным порядком), но в податных вопросах и, видимо, по устоявшейся привычке, считали себя принадлежащими к прежнему сельскому обществу. При таких калусах привычная четырехчленная территориальная традиция сельских населенных пунктов: деревня (село)/сельское общество — волость — уезд — губерния — дополняется еще одной ступенью путем разделения первой на две, что наивно практическое применение в общинной документации.

Следующим структурным подразделением приговора после его самонаименования была начальная клаузула основного текста источника, так называемая вводная часть. В ней указывались время и дата мероприятия (по старому, новому или обоим стилям), место действия, если оно не было излишним в заголовке (такая информация могла и дублироваться), состав присутствующих с выделением их социальной и общественно значимой принадлежности и, не всегда, размер земельного надела общины в «душеном» исчислении и итоги голосования по разбираемому вопросу. От участников общих собраний требовалось упомянуть не только имеющих наличие, но и протестующих их с отсутствующими домохозяевами. В период аграрной революции необходимым условием признания правомочности постановления схода по вопросам землепользования и землеустройства было наличие от половины до двух третей всех членов общины при голосовании. ⁶² Во вводной части типичного приговора бытовавшей в первые годы после начала реализации советской земельной реформы присутствовали многие компоненты дореволюционной делопроизводительной практики, модернизированные в соответствии с веяниями времени. В появившихся протоколах и постановлениях соблюдалась те же принципиальные моменты, но способ их фиксации был приближен, часто на свой лад, к делопроизводству государственных учреждений. (Справедливости требует отметить, что последнее положение более проявилось в следующей клаузуле — содержательной части.) Постановления вводной части не имели. Приведем несколько типичных примеров разновидностей начальных клаузул.

Присовор 1: «1918 года, августа 20 дня, мы, нижеподписавшиеся граждане Катанской губ. Царевкошайского уезда Петриковской волости общества Актутановского, заключающего в себе 126 ревизских душ и 67 домохозяев имеющих право голоса, быв сего числа в общем собрании на сельском сходе, в присутствии местного председателя ко-

⁶¹ ГАРМ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 20. Л. 284 — 284 об.

⁶² СДЗЗ. С. 83—84, 88—90.

митета Павла Емельянова Янжуна, в числе 50 человек, т. е. не менее 2/3 имеющих право голоса на сходе, высунули...».⁶¹

Приговор 2: «1921 году 23 мая, мы граждане Жуковского сельского общества, на общем собрании 23 мая 1921 года, в присутствии заведывающего Вараксинского земельного полостного отдела Камыкова и инструктора обикрасхода Белова Куприяна Яковлевича и в составе граждан из 65 домохозяев Жуковского сельского общества, имели суждение...».⁶²

Протокол 1: «30/17 апреля 1918 года Перядовское общество, состоящее из 128 домохозяев, сего числа имени суждение 91 голос, составляющее более 2/3 голосов на выборе президиума. Председателем президиума единогласно избран Иван Орлов, товарищами председателя избраны единогласно Федор Терещенков и Федор Зубков и секретарем Иван Соловьев...».⁶³

Протокол 2: «15 апреля 1920 года в дер. Мордовских Полянок открытое общее собрание председателем Александром Макенкиным. Решением собрания председателем единогласно избран гражданин Алексей Матанрин, товарищем председателя Кузьма Крушкин, секретарем Арт. Богданкин. Председателем объявлено собрание открытым в 4 часа вечера...».⁶⁴

Содержательная клаузула — наиболее обширная часть интересующих нас источников — по сути является основой любого приговора. Она, в свою очередь, делится условно на два последовательных раздела: содержательную и чистом виде и постановляющую части.

Обсуждению любого вопроса предшествовала «служебная информация», поступившая либо от заинтересованного лица (лиц), если рассматривалось индивидуальное ходатайство одного из односторонних или сторонних, либо, когда дело касалось всего сообщества, ее сообщали должностные лица схода, в случае необходимости ссылавшиеся на местные обычаи, чрезвычайные обстоятельства, распоряжения властей, существующее законодательство и т. д. Далее следовало само обсуждение и выносилось постановление, определялись лица — ходоки-ходатаи, обязанные «продвинуть» последнее в различных инстанциях. Результаты голосования, если они не были отражены в начальной клаузуле приговора, также выносились здесь. Иногда указывались персонально несогласные с решением большинство и покинувшие общее собрание. Упущенные во время обсуждения детали какого-либо вопроса фиксировались в примечаниях и дополнениях («дополнительных постановлениях», «добавочных листках»), в отдельных случаях оформленных как самостоятельные документы. Частым дополнением, по форме близким к приложению, или непосредственным продолжением содержательной клаузулы были ведомости, характеризующие количественные подворные показатели сель-

⁶¹ ГАРМЭ. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 123. Л. 32.

⁶² Там же. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 125. Л. 28.

⁶³ ЦГАЧР. Ф. Р-165. Оп. 2. Д. 14. Л. 13.

⁶⁴ Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее: ЦГАРМ). Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 74.

ского общества (при податно-фискальных и земельно-распорядительных казусах). Такова обобщенная интернациональная структура среднестатистического письменного оформленного решения сельского схода.

Не все из названных компонентов присутствуют в поземельных приговорах. Постановления, как правило, только выражали мнение общего собрания крестьян без каких-либо комментариев. В приговорах, благодаря сохранявшимся традициям сельского письменоводства, и протоколах, ориентированных на делопроизводство государственных учреждений с графами «судили»/«постановили», различие между обсуждением и вынесенным решением проследится четче, но и на них наложился отпечаток известных трудностей для простого населения в подготовке документов.

Путаница в оформлении документов на сельском сходе, неумение приписать им законченный вид были настоящим бичом для малограмотного крестьянина, волей случая оказавшегося в роли мажорантисаря. Типичной картиной, с которой сталкивается исследователь письменного наследия сельских жителей, оказавшихся в роли творцов истории и «летописцев» эпохи как раз в эти годы, являются отсутствие на документах подписей, дат, пропуски цифр, орфографические ошибки, неразборчивые слова, отсутствие знаков препинания, «сплюснутый» текст и т. п., а сами источники при ближайшем прочтении оказываются состоящими на 90% из подписей, как, например, два предложения по поводу очередного раздела земли, занесенные на общем собрании крестьян дер. Амачкино Чебоксарского уезда Казанской губернии 19 апреля 1918 г.: «Решили раздел земли по-душному, на каждого едока, на граждан и гражданок. Согласны делить под ярное поле с пашней».⁶⁷ В соседнем Царевкокняпайском уезде землеманцы Мало-Шанинского сельского общества содержательную клаузулу своего майского 1918 г. приговора, вслед за небольшой вводной частью, свели к одному постановлению: «...землю мерить на три категории по-добровольно, срок окончания до одного года».⁶⁸

Небрежное отношение к оформлению общинной документации было бы терпимым, если бы не создавало сложности в выявлении смысла содержания того или иного приговора. Настоящим ребусом для желающего поупражняться в развитии логических способностей может послужить решение схода дер. Шеклянур Арбанской волости Крапенокняпайского уезда Казанской губернии. Приговор датирован 6 сентября 1919 г., по дате только усложняет понимание его содержания: «Раздел земли произведенный 1918 года апреля 27-го дня. Раздел окончился 1919 года, мая 30-го дня. Действительный раздел. Произведен земли по числу едоков и до каждого едока дошло $\frac{1}{4}$ души, а оставшую землю разделили по-своему, между собой».⁶⁹ Или попытка предложить свой вариант временного распределения окружающих помещичьих земель в условиях одношанной дачи — сложной общины крестьян дер. Перядово (Чебоксарский уезд, 30 апреля 1918 г.), на

⁶⁷ ЦГАЧР, ф. Р-165, Оп. 2, Д. 14, Л. 10—10 об.

⁶⁸ ЦГАЧР, ф. Р-110, Оп. 1, Д. 12, Л. 43.

⁶⁹ Там же, Д. 15, Л. 66.

что было подготовлено постановление в лучших традициях описания общинных порядков русскими классиками XIX в.: «Земля бывшая помещицы Локтиной и бывшего помещика Покровского от Титова рубежа в каком количестве придется добавить обществу, Нерядово-Ильинскому обществу, а оставшая земля Жуковского и к дер. Демешкину и остатки у яблоньки, сколько останется от Ильинского общества по норме, поступает Нерядово-Амачинскому обществу лишь только на один посев ярового хлеба, впредь под озимое желает поделить соединившись в одно общество по общей норме, вычислительной в обществе на едока».⁷⁰

Такое своеобразное упрощение приговоров вполне объяснимо объективными причинами, к которым, помимо малограмотности уполномоченных, следует отнести и переходное состояние самой бюрократической канцелярии советских учреждений, но, в конечном итоге, именно «человеческий фактор» определял формуляр и информативную ценность для потомков того или иного коллективно одобренного документа, на что указывает и различное соотношение старых и новых их разновидностей в волостях даже одного уезда.

В обычных условиях, при наличии мало-мальски подготовленных для бумажной работы членов общины, объем основной части приговора определялся степенью важности самих рассматриваемых вопросов повестки дня. Между тем круг злободневных для современников аграрной революции проблем в области землепользования расширился: перераспределение земель бывшего «нетрудового» фонда (помещичьих, церковных, монастырских, хуторских и т. д.), лишение права на землепользование и предоставление надела, отпущение к приемам и неприемным одиозеренкам, разграничение смежных с соседними селениями земельных владений, образование новых населенных пунктов и т. д. Новое звучание приобрели и до боли знакомые крестьянам земельные переделы: общие, частичные, по отдельным видам угодий.

Как выглядела на практике процедура оформления записи содержательной клаузулы, продемонстрируем несколькими примерами из самих документов.

4 апреля 1918 г. на сельском сходе 1-го Покровского сельского общества Козьмодемьянского уезда Казанской губернии было оглашено заявление «гражданина» В. Г. Сорокина, вероятно, о желании получить в обществе земельный надел (текст заявления не расшифрован). Следующую строчку документа занимают два «постановления», под которыми на самом деле скрываются записи обсуждения данного вопроса. Во-первых, было постановлено: «Так как гражданин Сорокин своим личным трудом землю не обрабатывал, а сдавал в аренду», во-вторых: «Будучи он, Сорокин, волостным писарем при Социдарском волостном правлении, взял под угрозой крестьянское усадьбное место Кузьмы Тимофеевича Лебедева в 1891 году. Он же, Сорокин, имея усадьбные места и земельные угодия, не исполнял мирские повинности,

⁷⁰ ЦГАЧР. Ф. Р-165. Оп. 2. Д. 14. Л. 13.

как-то: починка дорог, поставка вех, относился халатно. Также Сорокин со дня владения земельными угодиями: пахотной, луговой землей и усадьбыным местом, не уплачивал земские сборы, вся тяжесть уплаты принадлежала на 1-го Покровского обществу. Выяснилось, что в 1917 году Сорокин должен был уплатить земского сбора 10 руб. 66 коп., а за прежние года точно указать не знаем, в будущем выяснится. По этому поводу под личностью Сорокина скрывалась темная рука, которая пользовалась темнотой народа, по постановлению 4-го Казанского губернского съезда Совета крестьянских депутатов по земельному вопросу, постановлено в § 26: лицам отсутствующим в обществе и живущим на стороне, на заработках, обеспечивающих существование, при переделе земли не получают». После этого обсуждения идет действительное постановление: «гражданину Василию Григорьевичу Сорокину отказать».⁷¹ Показательны два момента в цитируемом отрывке. С точки зрения оформления очевидны объясняемые выше изъяны сельского делопроизводства — смешение различных структурных компонентов текста. Этот недостаток, с другой стороны, компенсируется подробной мотивировкой принимаемого решения со ссылкой на постановление губернского съезда (что придавало реальную силу приговору), хотя участники схода не преминули напомнить и о моральных качествах нестя, его прежних, мнимых или действительных, прегрешениях.

Другой образец общинного делопроизводства — протокол № 8 общего собрания крестьян дер. Мордовские Полянки Краснослободского уезда Пензенской губернии (15 апреля 1920 г.). В повестке дня («порядке дня») значился один вопрос: о переделе земли. Он был благополучно разрешен без лишней волокиты и выслушивания мнений и записан в типично протокольной манере. После этого сходу «поступили просьбы со стороны граждан», не удовлетворенных новой переверсткой, на которые последовал отрицательный ответ, мотивированный отсутствием вложения личного труда в сельскохозяйственное производство тех, за кого ходатайствовали. Причем постановляющая часть следует вслед за инициативной. Результаты обсуждения в источнике не зафиксированы (об этом только упоминается), в чем, видимо, не было необходимости, поскольку в самом начале содержательной клаузулы были выделены элементы, проясняющие суть вопроса. Оказалось, что «Герасим Максимкин просит наделить землей дочерей монашек, временно проживающих в дер. Внолхирей; Михаил Сеппи просит наделить землей девочку из села Новой Синдорова, но временно проживающей у него; Гаврил Максимкин просит наделить землей брата монаха, проживающего в Сарове; Татьяна Асташкина, монашка, просит наделить землей на сына служащего, зачисленного в интат железной дороги; Матвей Поганкин просит наделить землей сына, проживающего в Сибири; Григорий Путцаев просит наделить землей сестру, выданную замуж в деревню Лелево; Прокофий Москвин просит земли».⁷²

⁷¹ ЦГАРМ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 14. Л. 2—2 об.

⁷² ЦГАРМ. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 74—74 об.

Документов сельского схода, оформленных со всеми атрибутами, полатиющимися тому или иному самоуправлению, известно в целом гораздо меньше, чем произвольно оформленных вариантов. По нашим подсчетам, это 30—40% от всей известной сопокунности документов.⁷³ Показатель колеблется по отдельным годам. К концу аграрной революции их удельный вес возрастает. В качестве немногих правильных с точки зрения делопроизводства записей можно привести протокол схода с Пуял Краснококшайского кантона Марийской АО от 11 мая 1922 г. о создании опытного садового участка по инициативе одного из жителей села. В повестку дня общего собрания было включено два вопроса: «1) Доклад о садоводстве М. Е. Охотникова»; «2) Выбор места для опытно-показательного сада». По каждому из вопросов заслушивался доклад ответственного лица и принималось постановление. В первом случае «принять к сведению», во втором — «поставить на

⁷³ Подсчитано по: ЦГАМЭ. Ф. Р. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 69—69 об.; Д. 34. Л. 13—13 об., 15—15 об.; Ф. Р. 38. Оп. 1. Д. 14. Л. 2—2 об.; Д. 20. Л. 160—160 об., 167—167 об., 218—219; Д. 22. Л. 1—4, 8—9; Д. 35. Л. 228—228 об.; Ф. Р. 74. Оп. 1. Д. 1. Л. 138—139 об.; Ф. Р. 110. Оп. 1. Д. 12. Л. 43; Д. 14. Л. 26—27; Д. 15. Л. 6—6 об., 54—54 об., 57—57 об., 66, 69—69 об.; Д. 154. Л. 6—7; Ф. Р. 111. Оп. 1. Д. 13. Л. 102; Д. 127. Л. 32—32 об., 223—224 об.; Д. 167. Л. 71—71 об.; Д. 168. Л. 4—4 об.; Ф. Р. 152. Оп. 1. Д. 18. Л. 8—8 об.; Д. 54. Л. 9—9 об., 30—30 об., 89—89 об., 99—100; Д. 56. Л. 139—139 об., 194—195, 229—230 об.; Д. 125. Л. 23—24 об., 28, 30—31 об.; Ф. Р. 161. Оп. 1. Д. 54. Л. 10—11, 12—13 об., 18—18 об.; Ф. Р. 220. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—1 об.; Д. 19. Л. 8—8 об., 9—10; Ф. Р. 238. Оп. 1. Д. 30. Л. 147—147 об., 166; Ф. Р. 248. Оп. 1. Д. 23. Л. 27—27 об.; Ф. Р. 262. Оп. 1. Д. 23. Л. 88—88 об.; Ф. Р. 269. Оп. 1. Д. 32. Л. 134—134 об.; Д. 166. Л. 27—27 об., 31—31 об., 50—50 об., 57; Ф. Р. 275. Оп. 1. Д. 16. Л. 172, 251—253 об.; Ф. Р. 359. Оп. 1. Д. 10. Л. 70—71; Ф. Р. 362. Оп. 1. Д. 34. Л. 22 об., 23, 29—30 об., 36—36 об., 42—43, 54—54 об., 64, 95—95 об., 96—96 об., 98, 101 об., 107, 114—114 об., 129 об., 131—131 об., 138, 188, 201—202, 218—219, 249, 279—280, 299, 301—301 об., 303—305 об., 307—308, 311—312 об., 328—328 об., 330—330 об.; Д. 35. Л. 3—3 об., 6—6 об., 7—7 об., 10; Д. 148. Л. 11—12, 30—30 об., 33—35 об.; Д. 150. Л. 4—4 об.; Д. 151. Л. 21—21 об.; Д. 149. Л. 46—46 об.; Д. 286. Л. 243—244 об., 245—245 об.; Д. 296. Л. 74—78; Д. 333. Л. 124, 129—129 об., 130—130 об.; Ф. Р. 368. Оп. 1. Д. 9. Л. 107—105, 122—122 об.; Д. 25. Л. 4—4 об., 31—32, 37—39, 50—53 об., 59—59 об., 66—67, 78—83, 93—94 об., 117, 120—121, 124—125, 129—130 об., 130а—130а об., 170—171; Д. 26. Л. 3—3 об., 10—11, 17, 18, 22—23 об., 29—30 об., 51—52; Д. 60. Л. 12—13, 16—17 об., 21—22 об., 24—25 об., 76—76 об., 32—32 об., 129—129 об.; Д. 62. Л. 82—83 об., 88—89; Д. 313. Л. 52—52 об.; Ф. Р. 404. Оп. 2. Д. 51. Л. 22; Ф. Р. 664. Оп. 1. Д. 6. Л. 48 об.

ЦГАМЭ. Ф. Р. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 74—74 об.; Ф. Р. 61. Оп. 1. Д. 13. Л. 54, 88—88 об.; Ф. Р. 172. Оп. 1. Д. 2. Л. 18—19 об.; Д. 4. Л. 23, 25; Ф. Р. 182. Оп. 1. Д. 7. Л. 16, 18, 19, 20—20 об., 21, 51; Ф. Р. 250. Оп. 1. Д. 15. Л. 12—12 об., 14—14 об., 30—30 об.; Ф. Р. 284. Оп. 1. Д. 15. Л. 181, 184, 199.

ЦГАЧР. Ф. Р. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 212; Ф. Р. 111. Оп. 3. Д. 25. Л. 46—46 об.; Д. 26. Л. 3, 4; Оп. 4. Д. 45. Л. 27—28 об., 57—57 об., 140—140 об.; Д. 47. Л. 189—189 об.; Ф. Р. 114. Оп. 1. Д. 236. Л. 4—4 об., 6—6 об., 12; Д. 343. Л. 15—16 об., 22—22 об.; Ф. Р. 121. Оп. 1. Д. 44. Л. 11, 33—34; Д. 137. Л. 3—3 об., 111; Д. 145. Л. 26—27, 28—28 об.; Д. 208. Л. 44—44 об., 47—47 об., 48—49, 52—52 об.; Ф. Р. 122. Оп. 1. Д. 59. Л. 28—29 об., 30—31; Д. 76. Л. 27—27 об.; Ф. Р. 153. Оп. 1. Д. 101. Л. 34; Ф. Р. 165. Оп. 2. Д. 14. Л. 10—10 об., 11—12, 13, 14—15, 16—16 об., 31—32, 87—87 об., 171, 184—184 об., 233; Оп. 3. Д. 10. Л. 342—342 об.; Д. 67. Л. 25, 26; Оп. 4. Д. 25. Л. 16; Оп. 5. Д. 44. Л. 78—78 об.; Ф. Р. 166. Оп. 3. Д. 67. Л. 12—12 об., 23—24, 27—27 об., 29—29 об., 31—31 об., 33—33 об., 35—36, 58—58 об.; Д. 69. Л. 19—19 об., 23—24 об., 25—26, 29—29 об., 30—30 об., 44—44 об., 47; Оп. 4. Д. 30. Л. 6—6 об., 9—9 об., 14—15, 16—16 об., 18—18 об.; Ф. Р. 170. Оп. 1. Д. 13. Л. 15; Д. 19. Л. 7, 40—40 об., 77—77 об., 109—109 об., 163, 181.

голосование». После результатов голосования, с указанием сторонников, противников рассматриваемого вопроса и воздержавшихся, следует окончательное постановление в виде обобщающего вывода с перескоком утвержденной первоначальной просьбы заявителя.⁷⁴

Приговоры, протоколы и постановления о переделах земли требуют к себе особого внимания. Нет необходимости еще раз подчеркивать, насколько генетически связана сама процедура регулярной земельной переверстки с существованием общины, а также напоминать о роли общины в пореволюционные годы, возросшей во многом именно благодаря полученной (скорее, завоеванной вопреки официальному законодательству) власти над повседневной жизнью конкретной округи (сельского общества, волости).

В большинстве случаев общинные документы регистрировали весьма трепетное отношение к тем или иным случаям изменения землепользования всего сообщества и его отдельных представителей. Содержательная клаузула такого рода документации, при сохранении всех основных элементов (с поправкой на общую тенденцию упрощения формуляра и сужения информационного поля), отличается максимальной детальностью сведений о видах (полные/общие/коренные, частичные/частные/скидки — наскидки) и практике (цели, сроки, принципы) земельных переделов. Приговоры имели как универсальный характер, затрагивая основополагающие моменты в землепользовании общины, весь ее падел и/или всех домохозяев, так и оформляли многочисленные частные процедуры, касающиеся отдельно полевой земли, лугов, усадебных участков, разноразочных единиц, техники передела и/или ограниченного контингента глав семейств. Неотъемлемым атрибутом решения сельского схода именно в данных случаях, как наиболее важных, были отсылки (но необязательно одобрение) на письменные и устные инициативы (прямые распоряжения земельных органов, постановления по земельным вопросам Советов, основополагающее аграрное законодательство и т. п.), а также назначение или выборы специальных уполномоченных, которые должны были это решение претворить в жизнь.

Равновесную ценность имеют и текстовая часть передельного приговора, и прилагаемые к ней статистические ведомости в подворном разрезе, подробно характеризующие все изменения в землепользовании на уровне отдельного крестьянского хозяйства. Последнее особенно ценно для выявления «скрытых» сведений, привлечение которых требует дополнительного анализа источника, но в то же время существенно расширяет его информационные возможности. Имеется в виду сопоставление начальных и конечных клаузул документа с его основной частью, а также ее отдельных моментов: количества присутствующих на сходе и подписей, количества домохозяев в начальной клаузуле, зафиксированных в распределительной ведомости и подписей; размеров приобретаемых или отчуждаемых земельных участков в каждом отдельном случае, «установленных» на общем собрании с ве-

⁷⁴ ГАРМЭ. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 167. Л. 71—71 об.

личинами, проходящими по ведомости; соответствие в таблицах суммы разверсточных единиц из расчета на двор пропорциональной площади падежа и т. п. Есть основания даже полагать, что оформленные в виде таблиц цифровые накладки представлялись самим крестьянам более важной частью приговора, чем собственно его содержание в привычном понимании. Известно немало случаев, когда документы сельского схода состояли только из распределительных ведомостей (часто и без начальной клаузулы) и подписей. Одиннадцать наиболее распространенных типов ведомостей, сопровождавших переделы земли, с выделением основных показателей, выявленные нами по материалам Вятской, Казанской и Нижегородской губерний, приводятся ниже.⁷⁵

— ФИО домохозяина — состав двора (количество разверсточных единиц) — размер падежа;

— ФИО домохозяина — размер прежнего падежа — удельный вес отчуждаемой площади — удельный вес приобретаемой площади — размер нового падежа;

— ФИО домохозяина — размер прежнего падежа — количество разверсточных единиц, приходящихся на хозяйство — ФИО домохозяев, которыми приобретается или отчуждается земля и ее количество — размер нового падежа;

— ФИО домохозяина — размер падежа;

— ФИО домохозяина — состав двора (количество разверсточных единиц) — размер прежнего падежа — удельный вес отчуждаемой площади — удельный вес приобретаемой площади — размер нового падежа;

— ФИО домохозяина — состав двора (количество разверсточных единиц) — размер прежнего падежа — размер нового падежа;

— ФИО домохозяина — размер падежа — удельный вес отчуждаемой площади — удельный вес приобретаемой площади;

— ФИО домохозяина, отчуждающего землю, — удельный вес отчуждаемой площади — ФИО домохозяина, приобретающего землю, — удельный вес приобретаемой площади;

— ФИО домохозяина, отчуждающего землю, — удельный вес отчуждаемой площади — ФИО домохозяина, приобретающего землю;

— ФИО домохозяина — состав двора (количество разверсточных единиц);

⁷⁵ Там же. Ф. Р. 38. Оп. 1. Д. 22. Л. 1—4; Ф. Р. 152. Оп. 1. Л. 56. Л. 229—230 об.; Л. 125. Л. 28. 30—31 об.; Ф. Р. 220. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—1 об.; Д. 19. Л. 9—10; Ф. Р. 362. Оп. 1. Л. 34. Л. 22 об.—23, 29—30 об., 54—54 об., 64, 101 об.—107, 114—114 об., 279—280, 311—312 об.; Л. 35. Л. 7—7 об.; Л. 148. Л. 33—35 об.; Л. 296. Л. 74—78; Ф. Р. 368. Оп. 1. Д. 9. Л. 102—105; Д. 25. Л. 31—32, 37—39, 50—53 об., 66—67, 78—83, 93—94 об., 129—130 об., 170—171 об.; Д. 26. Л. 10—11, 22—23 об., 29—30 об.; Д. 60. Л. 12—13, 16—17 об., 24—25 об., 26—26 об.; Д. 62. Л. 82—83 об., 88—89; Л. 313. Л. 52—52 об.; ЦГАЧР. Ф. Р. 111. Оп. 4. Д. 45. Л. 27—28 об., 57—57 об.; Ф. Р. 121. Оп. 1. Д. 44. Л. 33—34; Д. 145. Л. 26—27; Ф. Р. 165. Оп. 2. Д. 14. Л. 14—15; Оп. 3. Д. 10. Л. 342—342 об.; Ф. Р. 166. Оп. 3. Д. 67. Л. 58—58 об.; Д. 69. Л. 19—19 об., 31—32.

— ФНУ домохозяина — состав двора (количество разперсточных единиц) — размер надела — удельный вес отчуждаемой или приобретаемой площади.

Распределительные ведомости необязательно составлялись в табличном виде. Они могли выглядеть как простое перечисление субъектов, приобретающих, теряющих и сохраняющих определенную площадь по прежнему переделу, или же, в более сложном варианте, иметь аргументацию той или иной земельной передачи. Описанные документы особенно сложны из-за своей громоздкости для восприятия не только исследователя, но, вероятно, были просты и для составивших их, о чем свидетельствует достаточно большое количество явных ошибок (опечаток).

Подписи под документами селских сходов, как закономерное следствие любого делопроизводственного акта, закрепили структуру приговоров. По сравнению с дореволюционным периодом их внешний облик и содержательная часть мало изменились: «Крестьяне неграмотные <...> За неграмотных по доверию росписался Василий Михайлович Сабанцев. Грамотные росписались сами за себя...»; «В чем составлен настоящий приговор, в том и подписуемся, домохозяева грамотные: <...> Домохозяева неграмотные: <...> неграмотные, а за них и за себя по доверию росписались: Федор Смирнов, Тарас Науменко; Члены общего собрания, граждане дер. Лапшиной <...> Неграмотные <...>, а за них неграмотных по их личному доверию и за себя росписались Федор Николаевич Данишов»; «В чем постановили сие постановление, в том и подписуемся <...> Вышеназванные граждане неграмотные, а за них по их личной просьбе росписался одноподсуденец Василий Степанов. И сами за себя росписались...»; «В чем и подписуемся согласно этому протоколу об разделении земли: <...> а оставшиеся лица к этому протоколу не согласны <...> и согласные к этому протоколу подписуются. За неграмотных граждан по личному доверию и за себя росписался Никифор Толстухин. Грамотные...»⁷⁶ и т. д. Добавились незначительные элементы. Наряду с автографами местных должностных лиц (селских старост, председателей, их заместителей и членов комитетов и Советов, выборных по различным поводам) — это факсимиле посторонних, также обычно облеченных властными полномочиями (работников вышестоящих советских органов, партийных комитетов, агитаторов и т. п.). Редко, но характерно как раз для рассматриваемого времени воспроизведение приговоров разделения по социальному, общественному и хозяйственному признаку слоями деревни («стариками», «малоземельными», «желающими передела», жителями одной улицы или другой части населенного пункта). Особенности конечных клаузул протоколов и, частично, постановлений, было ограничение категорий присутствующих на сходах (не принимая во внимание посторонних), имеющих право подписывать составленные там документы. Как правило (как требовала структура), это были: председатель общего собрания или представитель на дан-

⁷⁶ ГАРМ, Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 15. Л. 54 об.; Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 56. Л. 195; Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 34. Л. 114 об., 305 об.; Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 60. Л. 25 об.

ный момент сельской власти, иногда и тот и другой, и секретарь. Подписи по-прежнему заверялись печатями. В первые годы-два после начала «социализации» применялись старые печати сельских старост или появившихся в 1917 г. комитетов и комиссаров, затем подписи стали удостоверяться печатями сельских и полостных Советов.

Следует присоединиться к данному утверждению отечественной историографии о важной роли конечных клаузул (в их комбинациях с прочими частями приговоров) в расширении информативных возможностей, на что обращалось внимание выше. Это и проблема «демократизации» сельского схода (в плане выявления его половозрастного состава), и борьба различных социальных, родственных (клановых), профессиональных, этнических группировок внутри общины, и уделяемый все уклоняющийся от выполнения мирских постановлений, и многое другое, что еще мало исследовано по истории традиционных сельских сообществ России, но имеет перспективную документальную базу.

Существенным моментом общинного делопроизводства, на что в заключение хотелось бы обратить внимание, было широкое распространение переходных видов документации, которые трудно сопоставить с тем или иным известным формуляром. Эта проблема тесно увязана с трудностями классификации в плане соотношения самоназвания источника, его основной части и конечной клаузулы. Речь не идет о достаточно «простой» проблеме типологии по первым двум названным компонентам.⁷⁷ Документ, часто озаглавленный как протокол, хранит в себе такой приговорный яд, как подписи всех полноправных действительных членов сельского общества. Более того, протокольные элементы явно присутствуют, имеются грифы «новостка дня», «слушало», «постановило», т. е. об «оговорке» говорить не приходится.

Способ отражать свою причастность к имением месту общему собранию и принятому на нем решению, как верно отметил В. В. Кабанов, исторически обусловлен традициями круговой поруки. Сомнение вызывает убежденность автора в том, «что протокол, оформлявший решение схода, по существу и форме был направлен против традиций круговой поруки; крестьянин чувствовал, что отсутствие его подписи значительно снимало с него ответственность за решение, «фиксированное протоколом». Поэтому и появляются, по его мнению, протоколы, подписанные всеми участниками схода, «но надо иметь в виду, конечно, и устойчивость формы приговора».⁷⁸ Думается все же, что последняя ремарка ближе к истине. Юридическая зрелость сельского населения в рассматриваемый период не поднималась еще до осознания некоторых современных представлений об административной (и уголовной) ответственности. Широкое распространение, даже внедрение, протоколов взамен приговоров в общинную среду имело под собой, по аналогии со второй половиной XIX в., стремление местной администрации формализовать документацию первичного уровня в соот-

⁷⁷ См. об этом: Тилин Н. Е. К изучению делопроизводственных документов...

⁷⁸ Кабанов В. В. Документация... С. 117.

ветствии с делопроизводством в учреждениях. Крестьяне еще в течение долгого времени обходились бы привычными способами записи постановлений своих больших и малых представительств. Да и сами традиции круговой поруки, безусловно важные в податно-фискальных функциях общины, в не менее значимой для нее земельно-распорядительной жизни оказывались не настолько уж живучи, о чем свидетельствует простое выжеснение пропорции количества участников сходов в начальной клаузуле и подписей — в конечной. Примерно в трети — половине случаев эти суммы не совпадают,⁷⁹ что не мешало проведению приговоров в жизнь.

• • •

Ограниченные возможности статьи не позволяют в полной мере осветить и проанализировать содержательные ресурсы источников об-

⁷⁹ Подсчитано по: ГАРМ, Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 4. Л. 69 — 69 об.; Д. 34. Л. 13 — 13 об., 15 — 15 об.; Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 14. Л. 2 — 2 об.; Д. 20. Л. 160 — 160 об., 167 — 167 об., 218 — 219; Д. 22. Л. 1 — 4, 8 — 9; Д. 35. Л. 228 — 228 об.; Ф. Р-74. Оп. 1. Д. 1. Л. 138 — 139 об.; Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 12. Л. 43; Д. 14. Л. 26 — 27; Д. 15. Л. 6 — 6 об., 54 — 54 об., 57 — 57 об., 66, 69 — 69 об.; Д. 154. Л. 6 — 7; Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 13. Л. 102; Л. 127. Л. 32 — 32 об., 223 — 224 об.; Д. 167. Л. 71 — 71 об.; Д. 168. Л. 4 — 4 об.; Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 18. Л. 8 — 8 об.; Д. 54. Л. 9 — 9 об., 30 — 30 об., 89 — 89 об., 99 — 100; Л. 56. Л. 139 — 139 об., 194 — 195, 229 — 230 об.; Д. 125. Л. 23 — 24 об., 28, 30 — 31 об.; Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 54. Л. 10 — 11, 12 — 13 об., 18 — 18 об.; Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 — 1 об.; Д. 19. Л. 8 — 8 об., 9 — 10; Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 30. Л. 147 — 147 об., 166; Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 23. Л. 27 — 27 об.; Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 23. Л. 88 — 88 об.; Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 32. Л. 134 — 134 об.; Д. 166. Л. 27 — 27 об., 31 — 31 об., 50 — 50 об., 57; Ф. Р-275. Оп. 1. Д. 16. Л. 172, 251 — 253 об.; Ф. Р-359. Оп. 1. Д. 10. Л. 70 — 71; Ф. Р-362. Оп. 1. Д. 34. Л. 22 об., 23, 29 — 30 об.; 36 — 36 об., 42 — 43, 54 — 54 об., 64, 95 — 95 об., 96 — 96 об., 98, 101 об., 107, 114 — 114 об., 129 об., 131 — 131 об., 138, 188, 201 — 202, 218 — 219, 249, 279 — 280, 299, 301 — 301 об., 304 — 305 об., 307 — 308, 311 — 312 об., 328 — 328 об., 330 — 330 об.; Д. 35. Л. 3 — 3 об., 6 — 6 об., 7 — 7 об., 10; Д. 148. Л. 11 — 12, 30 об., 33 — 35 об.; Д. 150. Л. 4 — 4 об.; Д. 151. Л. 21 — 21 об.; Д. 219. Л. 46 — 46 об.; Д. 286. Л. 241 — 244 об., 245 — 245 об.; Д. 296. Л. 74 — 78; Д. 333. Л. 124, 129 — 129 об., 130 — 130 об.; Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 9. Л. 102 — 105, 122 — 122 об.; Д. 25. Л. 4 — 4 об., 31 — 32, 37 — 39, 50 — 53 об., 59 — 59 об., 66 — 67, 78 — 83, 93 — 94 об., 117, 120 — 121, 124 — 125, 129 — 130 об., 130а — 130а об., 170 — 171; Д. 26. Л. 3 — 3 об., 10 — 11, 17, 18, 22 — 23 об., 29 — 30 об., 51 — 52; Д. 60. Л. 12 — 13, 16 — 17 об., 21 — 22 об., 24 — 25 об., 26 — 26 об., 32 — 32 об., 129 — 129 об.; Д. 62. Л. 82 — 83 об., 88 — 89; Д. 313. Л. 52 — 52 об.; Ф. Р-404. Оп. 2. Л. 51. Л. 22; Ф. Р-664. Оп. 1. Д. 6. Л. 48 об. и др.

ЦГАРМ. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 74 — 74 об.; Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 13. Л. 54, 88 — 88 об.; Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 — 19 об.; Д. 4. Л. 23, 25; Ф. Р-182. Оп. 1. Д. 7. Л. 16, 18, 19, 20 — 20 об., 21, 51; Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 15. Л. 12 — 12 об., 14 — 14 об., 30 — 30 об.; Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 15. Л. 181, 184, 199 и др.

ЦГАЧР. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 15. Л. 212; Ф. Р-111. Оп. 3. Д. 25. Л. 46 — 46 об.; Д. 26. Л. 3, 4; Оп. 4. Д. 45. Л. 27 — 28 об., 57 — 57 об., 140 — 140 об.; Д. 47. Л. 189 — 189 об.; Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 236. Л. 4 — 4 об., 6 — 6 об., 12; Д. 343. Л. 15 — 16 об., 22 — 22 об.; Ф. Р-121. Оп. 1. Д. 44. Л. 11, 33 — 34; Д. 137. Л. 3 — 3 об., 111; Д. 145. Л. 26 — 27, 28 — 28 об.; Д. 208. Л. 44 — 44 об., 47 — 47 об., 48 — 49, 52 — 52 об.; Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 59. Л. 28 — 29 об., 30 — 31; Д. 76. Л. 27 — 27 об.; Ф. Р-153. Оп. 1. Д. 101. Л. 34; Ф. Р-165. Оп. 2. Д. 14. Л. 10 — 10 об., 11 — 12, 13, 14 — 15, 16 — 16 об., 31 — 32, 87 — 87 об., 171, 184 — 184 об., 233; Оп. 3. Д. 10. Л. 342 — 342 об.; Д. 67. Л. 25, 26; Оп. 4. Д. 25. Л. 16; Оп. 5. Д. 44. Л. 78 — 78 об.; Ф. Р-166. Оп. 3. Д. 67. Л. 12 — 12 об., 23 — 24, 27 — 27 об., 29 — 29 об., 31 — 31 об., 33 — 33 об., 35 — 36, 58 — 58 об.; Д. 69. Л. 19 — 19 об., 23 — 24 об., 25 — 26, 29 — 29 об., 30 — 30 об., 44 — 44 об.; Оп. 4. Д. 30. Л. 6 — 6 об., 9 — 9 об., 14 — 15, 16 — 16 об., 18 — 18 об.; Ф. Р-170. Оп. 1. Д. 13. Л. 15; Д. 19. Л. 7, 40 — 40 об., 77 — 77 об., 109 — 109 об., 163, 181 и др.

цинного происхождения периода аграрной революции, т. е. обратиться к вопросам источниковедения. Однако затронутые здесь сюжеты из описанной «собственными словами» повседневной жизни деревни свидетельствуют о важности данных источников для изучения земельных преобразований 1918—1922 гг. (1917 год требует самостоятельного изучения) не только усредненно-абстрактно, но и применительно к различным регионам (губерниям, уездам, волостям, сельским обществам), наполняющим своим многообразием неструю картину сельской России. Безусловно, необходимо продолжить разработку и археографических проблем документации сельского схода. Обозначенные здесь некоторые моменты этой чрезвычайно актуальной задачи исторической науки необходимо рассматривать лишь в качестве одной части предстоящих фундаментальных исследований.

SUMMARY

In the article archaeographical problems of agrarian revolution in Russia 1917—1922 are considered on materials of rural «schoda». Supervisions of the author are especially important for the further studying a daily life of Russia in the considered period.